

УДК 10.02

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-184-190

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ МЕДИАДИСКУРС: ЕДИНСТВО МНЕНИЙ ИЛИ КОНФЛИКТ ДИСКУРСОВ?

© **Мутасова Александра Петровна**

старший преподаватель кафедры восточных языков,
Институт филологии и языковой коммуникации,
Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
amutasova@sfu-kras.ru

Аннотация. Современное медиа пространство является полем существования и взаимодействия разнородных дискурсов. Однако вопрос о возможности сосуществования полярных дискурсов в рамках медиа китайской лингвокультуры остается открытым. Настоящее исследование посвящено анализу дискурсов официальных и неофициальных медиаканалов на предмет их консенсусной или диссонансной направленности.

Ключевые слова: медиадискурс, дискурсивная власть, дискурсивная власть адресата, лингвокультура Китая.

Для цитирования

Мутасова А. П. Современный китайский медиадискурс: единство мнений или конфликт дискурсов? // *Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 184–190.*

В рамках масс-медийного пространства постоянно происходит коммуникация, участниками которой становятся миллионы людей, придерживающихся разных мнений и ценностных ориентиров. В связи с этим медиадискурс является благодатной почвой для существования, конкуренции и взаимодействия разнородных дискурсов. Однако, в то же время, медиа выступает как один из мощнейших инструментов воздействия со стороны властных структур, способных нивелировать вклад конкурирующих дискурсов в пространство общественного мнения. Поэтому исследование китайского медиа пространства на предмет консенсусной или диссонансной направленности представляет большую ценность.

В рамках современных лингвистических исследований дискурс медиа пространства или медиадискурс рассматривается как особый тип дискурса, реализуемый через медиа канал, так и в качестве «своеобразного объединения различных типов соприкасающихся дискурсов» [5, с. 28] в зависимости от подхода к изучению данного феномена. В настоящем исследовании понятие медиадискурса трактуется как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [3, с. 182]. Среди характерных признаков медиадискурса можно выделить публичность, массовую направленность, многосоставность и многофункциональность. Кроме того, медиадискурс обладает большим потенциалом для осу-

ществления идеологического контроля внутри конкретного лингвокультурного пространства. «Являясь, по существу, площадкой для реализации других дискурсов, средства массовой информации, в первую очередь, производят и транслируют смыслы, которые формируют повестку дня и влияют на формирование картины мира представителей массовых аудиторий» [1, с. 128].

В связи с вышеупомянутым, наиболее подходящим инструментом для исследования дискурсивных процессов медиа пространства Китая мы считаем критический дискурс анализ. Согласно Рут Водак «критический анализ дискурса нацелен на критическое изучение социального неравенства, выраженного (сигнализируемого, конституируемого, законодательно закрепленного и т. д.) в языке или дискурсе» [2, с. 286]. В качестве основных параметров критического исследования дискурса можно выделить лингвистические признаки текста, общественно-политический контекст, на фоне которого формируется отдельно взятый дискурс, а также социальная практика, то есть влияние, которое оказывает дискурс на переосмысление социальных структур и их последующие изменения.

Изменения социального порядка, формируемые идеологическим контролем над дискурсивным пространством, могут быть выявлены посредством анализа медиадискурсов на предмет наличия или отсутствия в них диссонансной направленности. Поскольку именно конкурирующие, противоположные дискурсы создают такой социальный порядок, в котором в равной мере слышен голос каждого участника.

С целью выявить наличие или отсутствие диссонансной направленности в медиадискурсе Китая мы сравнили как одни и те же события представлены в официальных и неофициальных медиа. Компаративный анализ статей включает следующие этапы: 1) сравнение текстового объема; 2) сравнение тематической направленности; 3) сравнение представленных презентем. Согласно А. В. Оляничу, презентема — это «информационная единица воздействия, представляющая собой сложный лингвосомиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него» [4, с. 213].

В качестве примера рассмотрим три новостные статьи, посвященные реформе по передаче полномочий самоуправления государственным предприятиям. Тексты были взяты с сайта газеты «Жэньминьжибао», а также из двух неофициальных источников — новостных порталов 新浪网 «Сина» и 搜狐新闻 «Соуху синьвэнь». Все три статьи имеют примерно одинаковый объем: текст «Жэньминь жибао» включает 2016 знаков, текст «Сина» включает 2517 знаков, а текст «Соуху синьвэнь» — 2022 знака.

По тематической направленности тексты несколько отличаются друг от друга. Так информативное содержание текста с портала «Соухусиньвэнь», который был опубликован месяцем раньше других, направлено на выражение ожиданий, связанных с проведением новой реформы. Об этом говорит частотное использование модальных глаголов необходимости, всего 13 упоминаний: 要 «нужно» — 9, 需要 «необходимо» — 1, 应该 «должно» — 1. Текст официального портала «Жэньминь жибао» предоставляет информацию о сущности реформы, а также

этапах и планах ее осуществления. Об этом свидетельствует структура текста, которая включает вступление и три тематических параграфа: «落实商业类国企自主经营权» / «осуществление передачи прав самоуправления коммерческим государственным предприятиям», «首份授权放权清单将推出» / «в скором времени появится первый список предприятий, которым будут переданы права на самоуправление», «严谨务实不“一刀切”» / «Тщательное осуществление (проекта) не может “стричь под одну гребенку”». Кроме того, первый тематический параграф включает перечисление: «本次改革的重点举措有五个方面... 一是确定了权责边界... 二是分类开展授权放权... 三是加强企业行权能力建设... 四是完善监督监管体系... 五是坚持和加强党的全面领导» / «Действия по реформированию включают пять направлений... первое это утвердить разграничение ответственности... второе это классифицировать осуществление передачи прав... третье это усилить потенциал реализации прав предприятий... четвертое это улучшить систему надзора и управления... пятое это поддерживать и укреплять всестороннее руководство партии». Текст портала «Сина» носит более экспланаторный характер, в нем поясняется сущность реформы и объясняется значение каждого этапа проведения реформы. Доказательством тому служит вопросительная форма заголовков структурных частей: «国企激励模式有哪些» / «какие есть модели поддержки государственных предприятий», «国企激励改革谁来批» / «кто будет ратифицировать реформу поддержки государственных предприятий»; а также частотное употребление пояснительных конструкций и глаголов: «是指» / «подразумевается, имеется ввиду», «其实不然» / «на самом деле это не так», «实际上» / «на самом деле», «所谓... 又称... 是指» / «так называемое... и также называемое... подразумевает», «其实» / «на самом деле», «因此» / «поэтому», «对此» / «ввиду этого».

Что касается представленных в текстах средств дискурсивного воздействия, можно сказать, что все три статьи объединены одной целью — репрезентовать положительный образ реформы. В основном данная цель реализуется посредством презентемы «реформа даст государственным предприятиям больше свободы и стимулирует их к развитию», основанной на использовании лексических единиц со значениями «право»: 权力 / право, власть и «самостоятельность»: 自我 / сам, 自主 / самоуправление, 进行自我约束 / осуществлять собственное дисциплинирование, 不做干预 / не вмешиваться; единиц со значениями «развитие и возможности»: 生机 / жизнеспособность, 活力 / потенциал, 运行 / функционировать, 能力 / способность, 激励 / стимул; а также единиц со значением «выгода»: 有利于 / быть выгодным, 优惠 / льготный, благоприятный и «укрепление»: 加强 / усиливать, 增强 / укреплять.

Дискурсы, посвященные предложению депутата Всекитайских народных представителей Чжан Баоянь увеличить меру уголовного наказания за торговлю людьми, также послужили показательным материалом. Данное событие вызвало у нас большой интерес, поскольку, несмотря на активное обсуждение данного вопроса на платформах неофициальных медиа, оно не было освещено крупными официальными источниками. Некоторые сайты, связанные с официальными но-

востными издательствами, упоминали предложение Чжан Баоянь. Например, на сайте Центрального комитета комсомола 中国青年网 «Чжунгуо цинниань ван» в статье «两会大家谈|人大代表张宝艳: 我的公益进行时» / «все обсуждают конференцию ВСНП и НПКСК | депутат ВСНП Чжан Баоянь: мое время заниматься благотворительностью»: 为了更好地为百姓发声, 今年两会, 张宝艳关注的领域更加广泛: 希望能够加大对拐卖妇女儿童犯罪分子的量刑力度;希望全国幼儿园统一安装监控系统。 / «Чтобы ещё лучше передавать голос народа, в этом году на конференции ВСНП и НПКСК, Чжан Баоянь расширила поле своего внимания: надеюсь увеличить меры наказания для торговцев женщинами и детьми; надеюсь, что детские сады всей страны будут иметь общую систему контроля». А также на сайте 中国报协网 «Чжунгуо баосье ван» в статье «2019年两会热词折射民生期待» / «Вопросы ВСНП и НПКСК 2019 популярны у народа»: 全国人大代表张宝艳提议拐卖妇女儿童罪最高调至死刑, 引发热议, 部分网友表示支持, 认为“人贩子就应该重惩、严惩” / «депутат ВСНП Чжан Баоянь предложила установить смертную казнь в качестве высшей меры наказания за преступления в похищении женщин и детей, что вызвало горячие споры, многие интернет-пользователи выразили свою поддержку, считая “торговля людьми должна быть жестоко наказана, сурово наказана”». Тем не менее, объем текста, посвященный непосредственно данному вопросу, ничтожно мал в сравнении с текстами, представленными в неофициальных медиа, — всего 68 знаков в одном источнике и 53 в другом. Тексты из неофициальных источников представлены в разном объеме: статья на сайте «Соуху» включает 514 знаков, статья на сайте «Байду» — 1329 знаков.

Основной тематической направленностью текстов из неофициальных источников является освещение важности проблемы борьбы с похищением детей и женщин в Китае. Тем не менее, угол отражения проблемы несколько различается. Так статья в «Соуху» имеет более призывный характер, в дискурсивное пространство текста имплицитно встроены лозунги, которые выделены структурно (каждый лозунг начинается с нового абзаца) и графически (жирным шрифтом): «为了让那些贩卖儿童的罪恶不再僵而不死» / «Ради того, чтобы эти бандиты, которые продают детей были ни живы, ни мертвы»; «为了让你我的孩子永远不会落入那人间地狱» / «Ради того, чтобы наши дети никогда не попали в тюрьму к этим людям». Кроме того, автор использует просьбы, выраженные как имплицитно: «值得大家转发疾呼» / «Стоит того, чтобы распространить и выказать поддержку», «希望...这个提议被更多人看到, 被更多人支持» / «Надеюсь...это предложение увидит больше людей, поддержит больше людей», так и эксплицитно: «需要你我共同呼吁» / «нужна наша общая поддержка», «请让更多人加入到我们一同支持张宝艳女士提法案通过» / «пожалуйста, давайте сделаем так, чтобы больше людей присоединились к нам и поддержали проект госпожи Чжан Баоянь». Статья на сайте «Байду» больше фокусируется на том, какие результаты уже достигнуты в борьбе с проблемой: «找回儿童 2980 名, 找回率达 97.6%» / «было найдено 2980 пропавших детей, процент найденных составляет 97,6%». А также внимание уделяется тому, как данная проблема обсуждается в интерне-

те, о чем свидетельствуют встроенные в пространство статьи отрывки бесед из социальных сетей.

В плане используемых дискурсивных средств два текста объединяет использование презентемы «проблема похищения детей и женщин очень важна и актуальна для всех». С целью показать актуальность проблемы для широких слоев общества используются лексемы 热搜 / популярно в поиске, 热议 / горячо обсуждается, метафорическая идеома «迫在眉睫» / «давит на брови и ресницы (не терпит отлагательства)», а также аргументативная стратегия привлечения фактических данных: «网友点赞高达 20 多万» / «количество пользователей, поставивших лайк, достигает более 200 000». Кроме того, авторы текстов используют концепт «несчастья» для того, чтобы продемонстрировать, что проблема действительно весьма негативно сказывается на развитии общества. В статье с портала «Соуху» данный концепт формируется за счет метафор: «饱尝失去孩子的撕心裂肺、滴血之痛» / «вдоволь хлебнуть душераздирающую боль потери ребенка», «以泪洗面» / «умыться слезами», «走在黑暗边缘家庭» / «семьи, которые ходят по краю мрака». В статье с сайта «Байду» используется специальная лексика, описывающая драматические последствия похищения детей и женщин: «犯罪过程中, 还可能伴有强奸、虐待、非法拘禁、侮辱、殴打、强迫卖淫甚至致人死亡等罪行, 更有可能导致亲属自杀、精神失常等后果» / «преступления могут сопровождаться изнасилованиями, мучением, незаконным заключением, оскорблениями, избиением, принуждением к проституции вплоть до действий, приводящих к гибели человека, и ещё более вероятно к самоубийству, психическим расстройствам и другим последствиям».

Таким образом, анализ репрезентации социально значимых событий в различных СМИ источниках демонстрирует, что неофициальные источники информации обладают малым потенциалом к производству конкурирующих дискурсов. Точка зрения на события, отражаемая неофициальными медиа, или полностью совпадает с точкой зрения официальных источников информации, или игнорируется ими. В связи с этим мы можем сделать вывод, что медиадискурс новостных организаций в китайской лингвокультуре имеет преимущественно консенсусную направленность.

Тем не менее, следует отметить, что не только медиа каналы способны оказывать влияние на построения дискурса, дискурсивная власть в современном медиа пространстве переходит в руки многомиллионной аудитории интернет-пользователей, которые благодаря современным технологиям обрели «голос» и возможность активно участвовать в медиа коммуникации [6, с. 163–166].

В качестве подтверждения данного заключения приводим кейс, в котором комментарии пользователей повлияли на дискурсивные практики официального медиа канала. 24 апреля 2019 года некоторые интернет-пользователи опубликовали информацию о том, что в Нанкинском технологическом училище незаконно зачисляли студентов. 26 апреля 2019 года в интернете также распространилась новость о том, что на территории данного училища были избиты несколько студентов. Несмотря на то, что данная ситуация вызвала большой общественный резонанс в социальных сетях и на неофициальных новостных порталах, издательство газеты «Жэньминьжибао» не публиковало никаких сообщений по этому

поводу. В связи с этим, читатели страницы «Жэньминьжибао» в «Вэйбо», пользуясь возможностью оставлять комментарии к новостям, стали обращаться к издательству с требованиями опубликовать информацию об обстановке в Нанкинском технологическом училище. В комментариях участники использовали стратегии напоминания, вопроса, просьбы, обвинения и угрозы. Комментарии-напоминания представляют собой краткие сообщения, содержащие название города 南京 / Нанкин или краткое название училища 南应 / Нанкинский технологический, для привлечения внимания также активно используются эмодзи. Стратегия вопроса реализуется синтаксически при помощи вопросительных знаков «南应? ? 可回应吗? ? ? » / «Нанкин??? Можно ответ???» или на лексическом уровне при помощи вопросительных слов 为啥 / почему, 是吧 / действительно ли. Просьбы формируются за счет использования глаголов со значением «просить»: 求 / просить, требовать, 请 / просить, пожалуйста. Кроме того, модальность просьбы создается благодаря компонентам количества действия: 了解下呗 «расскажите немного», 回应一下 «отреагируйте немного». Обвинительные комментарии используют глагол 报道 / докладывать, сообщать в сочетании с отрицательными частицами 没有 / ещё не, 不 / не. При этом на уровне контекста используется императивная тональность «别发这种鸡汤了» / «хватит публиковать слащавые истории», а также создается драматический эффект «南京有些人的青春正在被糟蹋你也不报道» / «В Нанкине некоторым молодым людям испортили жизнь». Некоторые пользователи в своих комментариях угрожают издательству тем, что будут без остановки отправлять сообщения о Нанкине, пока не появится официальная информация: «你不调查我就一直发南应» / «Если вы не разберётесь, все время буду отправлять Нанкинский технологический».

Результатом данных дискурсивных практик пользователей «Вэйбо» стало то, что 29 апреля 2019 года издательство «Жэньминьжибао» опубликовало на странице в Вэйбо официальное сообщение о ситуации в Нанкине. Данный пост достаточно краткий, объем текста составляет 101 знак. При этом сообщение сохраняет разговорный стиль, свойственный для всего пространства социальных сетей. Так тональность заголовка звучит неформально благодаря глаголу 来 / подходить: 官方通报来了 / подошла официальная информация, а также использованию эмодзи, изображающего микрофон, в начале заголовка. Основной презентемой сообщения является стратегия убеждения. На лексическом уровне используются единицы, демонстрирующие, что по данной ситуации ведутся проверки: «处理问题» / «решать проблему», «同有关方面相应展开» / «соответствующие проверки заинтересованных сторон», «严格依法依规处理» / «разбираться строго в соответствии с законом и правилами». Эффект убеждения усиливается благодаря ссылке на авторитетный источник: в тексте сообщения присутствует прямая интернет-ссылка на страницу Управления по трудовым ресурсам и социальному обеспечению в Нанкине, а также прикреплен текст официального доклада данного Управления.

Таким образом, данный случай демонстрирует, что даже в относительно закрытом для проявления диссонансных черт медиапространстве Китая, адресаты имеют возможность высказывать свое мнение, даже если оно вступает в кон-

фликт с общепринятым дискурсом. Кроме того, оставляя комментарии к сообщениям новостных источников, интернет-пользователи сами становятся авторами дискурсов, которые способны оказывать определенное влияние на дальнейшие действия тех представителей медиа, в руках которых сосредоточено больше дискурсивной власти.

Литература

1. Алексеева А. Е. Дискурсивные особенности текстов СМИ: публичность и достоверность // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2014. Т. 13. Вып. 6. С. 124–129.
2. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. Вып. 4(38). С. 286–291.
3. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 13(184). Вып. 22. С. 181–187.
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
5. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. Т. 2. Вып. 16. С. 26–31.
6. Zhao J. State, market and media: the changing Chinese nationalistic discourse since the 1980s. The Chinese University of Hong Kong, 2011. 270 p.

MODERN CHINESE MEDIA DISCOURSE:
UNITY OF OPINION OR CONFLICT OF DISCOURSES?

Aleksandra P. Mutasova

Senior lecturer of the Oriental Languages Department,
School of Philology and Language Communication,
Siberian Federal University
79 Svobodny pr., Krasnoyarsk 660041, Russia
E-mail: amutasova@sfu-kras.ru

Abstract. Different heterogeneous discourses exist and interact in the modern media space. However, the question whether polar discourses can co-exist within the modern Chinese media remains open. This research analyzes discourses of official and unofficial media channels to reveal their consensus or dissonance nature.

Keywords: media discourse, discourse power, recipient discourse power, Chinese linguoculture.

УДК 811.581'42

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-190-194

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА,
НАЗЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА,
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

© **Пигалева Мария Владиславовна**

старший преподаватель,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

pigaleva-m@yandex.ru